

*Посвящается Элен,
а также Цубаки, Артуру и Луи,
а также Винсенту Ланделю,
по которому я скучаю,
и памяти Жана-Мишеля Тараскона
и Мишеля Рамоне*

Все это заставляет задуматься о веренице дней, которой ничто не могло придать ни формы, ни направления, которую ничто не оживляет, никто не населяет и в которой ничто не имеет смысла.

Розалинда Краусс

Забыть бы этот день. Проиграл сегодня на бегах десять долларов. Вот незадача. Да лучше бы сунул хрен в блин с кленовым сиропом.

Чарльз Буковски

Снег шел целую неделю. Я смотрел из окна на ночь и слушал холод. Здесь холод рождает шум. Такой особенный, неприятный гул, создающий впечатление, что само здание, стиснутое ледяным кольцом, мучительно стонет, страдая от боли, вызванной сокращением тел под влиянием низкой температуры. В этот час тюрьма спит. Спустя некоторое время начинаешь привыкать к ее метаболизму, и можно слышать, как она дышит в темноте, словно большое животное, иногда кашляет и даже рефлекторно сглатывает слюну. Тюрьма поглощает нас, переваривает, и вот мы, скорчившиеся в ее брюхе, затаившиеся в пронумерованных складках ее кишок, притихшие между двумя ее рвотными позывами, спим и живем, как только можем.

Исправительное учреждение города Монреалья, называемое «Бордо», поскольку было построено на территории одноименного квартала, расположено на бульваре Гоуин-Вест, 800, прямо возле реки Ривьер-де-Прери. 1357 заключенных. Восемьдесят два человека предали казни через повешение — до 1962 года. До того как здесь соорудили этот оплот неволи, местечко, очевидно, было чудесное — все как полагается: березы, клены, яркие метелки ук-

10 *Жан-Поль Дюбуа*

сусного дерева, и высокие травы, и следы непуганых зверей среди высоких трав. Из этой фауны сейчас выжили только мыши да крысы. И, такова уж их неприхотливая натура, заселили замкнутый мирок запертого в клетку страдания. Они, судя по всему, превосходно приспособились к обстановке места лишения свободы, и их полчища заселили все уголки здания. Ночью отчетливо слышно, как грызуны неумоимо трудятся в камерах и коридорах. Чтобы преградить им путь, мы засовываем смятые газеты или тряпки из старой одежды в щели под дверями или кладем их перед вентиляционными люками. Ничего не помогает. Они проникают куда угодно, проползают, протискиваются и делают свое черное дело.

Тип камеры, в которой я живу, прозвали «кондо», что означает «квартира». Такого иронического названия это помещение удостоилось по той причине, что оно немного просторней, чем обычная камера, в которой все, что оставалось в нас человеческого, приходилось ужимать на территории в шесть квадратных метров.

Две кровати, стоящие одна напротив другой, два окна, две прибитые к полу табуретки, две полки, умывальник и унитаз.

Я делю это помещение с Патриком Хортоном, громадным детиной размером в полтора человека, который вытатуировал историю своей жизни на спине, а историю своей любви к мотоциклам «Харлей—Дэвидсон» — на плечах и груди. Патрик ждет суда по делу об убийстве одного из «Ангелов ада», принадлежащего к монреальскому чаптеру:

его расстреляли на полном ходу соратники, которые заподозрили его в сотрудничестве с полицией. Хортона обвиняют в том, что он участвовал в этой экзекуции. Учитывая внушительные габариты и принадлежность к мотоциклетной мафии, имеющей в активе длинный список убийств и преступлений, все тюремное народонаселение почтительно расступается перед моим соседом, как перед каким-нибудь кардиналом, когда он прогуливается по коридорам сектора Б. А поскольку все знают, что я делю с ним уединение нашей камеры, я пользуюсь таким же уважением, как и этот местный нунций.

Вот уже две ночи подряд Патрик стонет во сне. У него разболелся зуб, а судя по стреляющей боли, там образовался абсцесс. Хортон несколько раз жаловался охраннику, и тот в конце концов принес ему тайленол. Когда я спросил, почему же он не запишется на прием к дантисту, он ответил: «Никогда. Если у тебя дупло в зубе, здесь эти сукины дети не будут ведь тебя лечить. Выдернут и все. А если два зуба больные, оба выдернут».

Мы соседствуем уже девять месяцев, и получается скорее неплохо. Оба по прихоти капризной судьбы оказались здесь примерно в одно и то же время. Почти сразу Патрику захотелось узнать, с кем же ему предстоит делить одно очко в клозете. И я рассказал ему свою историю, бесконечно далекую от жизни «Ангелов ада», которые контролируют весь наркотрафик нашей провинции и без малейших колебаний развязывают войны, сопровождающиеся вонью бензина и ревом мо-

тоциклов, — как, например, та, которую они начали против своих извечных врагов «Рок-машин». В этой войне с 1994 по 2002 год в Квебеке погибло сто шестьдесят человек. Потом «Рок-машины» влились в клуб «Бандидос», который вполне оправдывает свое название, но тем не менее тоже понесли потери: восемь трупов, все члены группировки были небрежно разбросаны по четырем машинам, поставленным рядком. Все машины были зарегистрированы в провинции Онтарио.

Когда Патрик узнал, за что меня посадили, он заинтересовался моей историей с доброжелательностью специалиста, наблюдающего за первыми неуклюжими попытками ученика. Едва я закончил свое бесхитрое повествование, он почесал мочку уха, изъеденную алой коростой. «Когда тебя увидел, я и не подумал бы, что ты способен на подобные штуки. Все правильно ты сделал. Это точно, отвечаю. Я бы его вообще убил».

Может быть, в конце концов я именно этого хотел и, по словам свидетелей, так бы и сделал, если бы шестеро решительных мужчин не объединились, чтобы удержать меня. По правде сказать, помимо того, что мне рассказывали, я особенно ничего и не помню по поводу самого происшествия. Моя память, казалось, полностью стерла все загруженные данные вплоть до момента, когда я очнулся в посленаркозной палате отделения «Скорой помощи».

«Да, бля, я бы убил этого гада! Из таких кишки надо выпускать». Его пальцы по-прежнему тербли горящее ухо, он тяжело переминался с ноги

на ногу. Охваченный смутным гневом, Патрик был уже практически готов пройти сквозь стены. Чтобы завершить работу, которую я начал и, как он считал, запарол. Когда я видел, что он вот так ревет, расчесывая воспаленную кожу, я вспоминал знаменитое высказывание антрополога Сержа Бушара, специалиста по культурам американских индейцев: «Человек — это медведь, с которым что-то пошло не так».

Вайнона, моя жена, была индианка из племени алгонкинов. Я много читал Бушара, чтобы узнать о ней побольше. Я был тогда еще всего лишь невежественный и неуклюжий француз, который не имел почти никакого представления о способах установки вигвама, о священных и мистических правилах заготовки табака, о важной для понимания сути легенде о еноте, о преддарвинистском утверждении о том, что человек произошел от медведя, и об истории, которая объясняет, почему у карибу белая шерсть на горле.

В ту эпоху тюрьма была для меня всего лишь абстрактным, теоретическим понятием, злой шуткой судьбы, выкинувшей кости таким образом, что вам приходится некоторое время провести на поле «тюрьма» в «Монополии». И этот мир, пронизанный невинностью, казался незыблемым и вечным, как и мой отец, Йохан Хансен, играющий на струнах в сердцах людей и на клавишах Хаммонд-органа в протестантском приходе, притопленном потоками благословенного асбеста; как Вайнона Мапаша со своей алгонкинской прелестью, выписывающая круги на самолетике-такси «Бивер»,

чтобы неспешно развести всех клиентов по побережью всех северных озер; как моя собака Нук, которая только-только родилась и смотрела на меня большими черными глазами, как на начало и конец всего сущего.

Да, я любил это время, уже давно прошедшее, когда трое моих родных покойников были еще живы.

Мне так хотелось бы вновь обрести сон. Не обращать внимания на крыс. Не чувствовать больше запаха невымытых мужских тел. Не слушать завывания зимы через стекло. Не заставлять себя есть бурю курицу, сваренную в жирной воде. Не бояться быть забитым до смерти за неосторожное слово или понюшку табака. Не быть вынужденным мочиться в раковину, потому что после определенного часа заключенные не имеют права спускать воду в унитазе. Не видеть ежедневно, как Патрик Хортон спускает штаны, садится на толчок и испражняется, рассказывая мне при этом о цилиндро-поршневой группе своего «Харлея», который, когда тормозил, «дрожал словно в лихорадке». Каждый сеанс дефекации он усердно трудится и одновременно общается со мной так спокойно и расслабленно, что создается впечатление: его мыслительный и речевой аппарат полностью отсоединен от ректальной деятельности. Он даже не пытается как-то модулировать звук выходящих газов. Завершая процесс, Патрик продолжает просвещать меня на предмет надежности современных моторов на так называемом сайлентблоке, то есть резинометаллическом шарнире, потом поправляет порты с видом чело-

века, вернувшегося после трудного дня, и раскладывает на сиденье свежую незапятнанную салфетку, призванную служить стульчаком, что для меня в душе означает что-то типа «конец аудиенции» или «*Ite missa est*»¹.

Закрывать глаза. Спать. Это единственный способ выйти отсюда, спастись от крыс.

Летом, встав в углу того окна, что слева, я мог увидеть воды Ривьер-де-Пьери, несущиеся на полной скорости к острову Бурдон и к острову Бонфуан, чтобы влиться в реку Святого Лаврентия, которая их принимала гостеприимно и хоронила в своей толще. Но этой ночью ничего не было видно. Снег скрадывал все, даже мрак.

Патрик Хортон этого не знал, но в эти часы случилось, что меня навещали Вайнона, Йохан или Нук. Они входили, и я видел их столь же отчетливо, столь же детально, как тюремную убогость, въевшуюся в стены камеры. И они говорили со мной и были совсем рядом, совсем близко. С того момента, как я потерял их, они свободно перемещались в моих мыслях, чувствовали там себя как дома, жили во мне. Говорили то, что хотели сказать, занимались своими делами, пытались помочь разобраться в бардаке моей жизни и всегда находили слова, побуждающие меня в конце концов успокоиться и уснуть. Каждый как умел, своими способами, своими стараниями поддерживал меня, никогда при этом не осуждая. Особенно когда я

¹ «С миром изыдем», можете идти, это конец службы (*лат.*).